

Б. Н. Ковалев

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПИСАНИЯ
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.
ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ
И ПО РОМАНУ ЮРИЯ СЛЕПУХИНА
«ТЬМА В ПОЛДЕНЬ» (1968)**

Если ученый-историк попытается проанализировать весь объем художественной литературы о событиях Второй мировой войны, он придет к выводу, что мифов и легенд об этих трагических событиях со временем стало не меньше, а больше. Причин тому несколько. Кто-то из авторов даже не пытается ознакомиться с подлинными документами, а кто-то просто подгоняет текст под «свое видение истории».

В этих условиях особую не только литературную, но и историческую ценность приобретают романы Юрия Слепухина.

Советская литература не являлась сплошной застывшей идеологической массой. В ней появлялись произведения, посвященные, в первую очередь, простому человеку, оказавшемуся в экстремальных условиях. Роман Ю. Слепухина «Тьма в полдень» по своей сути является энциклопедией жизни советских людей на оккупированной нацистами территории. В этом произведении с удивительной точностью показаны все аспекты взаимоотношений гитлеровцев и их пособников с мирным населением. Хотя действие романа происходит в выдуманном автором украинском городке Энске, его реалии подтверждают как интервью с людьми, пережившими оккупацию, так и различные архивные документы.

Ю. Слепухин дает следующее определение жизни в оккупации: «Это была какая-то странная, нереальная и словно

придуманная жизнь. Прежде всего, у нее не было будущего. Никто из людей, вынужденных жить в фантастических условиях оккупации, не знал, как и в какую сторону изменятся эти условия завтра. От такой жизни можно было ждать чего угодно, и люди постепенно перестали удивляться чему бы то ни было<...>

Как ни странно, легче всего, оказалось привыкнуть к отсутствию будущего. Загадывать вперед, строить какие-то планы хотя бы на ближайший месяц стало теперь бессмыслицей, потому что уже завтра все задуманное могло полететь в тартарары»¹.

Во многих интервью, которые давали в конце XX века люди, пережившие оккупацию, характеризовали ее следующим образом: «Что это было за время... Прожили еще один день. И слава Богу».

Война, как лакмусовая бумажка, хорошо показала, что собой может представлять каждый человек. В романе убедительно показаны все издержки советской эвакуации: « — Люся? — крикнула она. — Я здесь, я в беседке! Видела Кривцова?

— Этот мерзавец уже уехал, — почти спокойным голосом сказала Людмила. — Представляешь? Нет, ты могла представить себе что-нибудь подобное?.. Чтобы человек, которому поручили эвакуировать женщин и детей, преспокойно забрал себе единственную машину, нагрузил ее своими вещами — вплоть до мебели, слышишь? — и уехал, ни слова никому не сказав...»²

Далеко не все советские руководители (особенно районного звена) выполняли свой долг. Так, в бывшем Центральном партийном архиве (ныне Российский государственный архив историко-политических документов) хранятся документы о паникерах, полностью вывозивших свое имущество в глубокий советский тыл. Г. С. Амиров, бывший комиссар Отдельного партизанского полка им. XXIV-й годовщины РККА, с горечью вспоминал о начале партизанского движения на территории Смоленской области: «...Как же повели себя руководители Ельнинского района?

Председатель райисполкома А. С. Аниськов... так поспешно бежал из района, что остановился только в Мордовии

¹ Слепухин Ю. Г. Избранное. СПб., 2005. Т. 1. С. 581.

² Там же. С. 477

и на станции Рузаевка устроился помощником директора МТС по расчетам с колхозами. А по плану Смоленского обкома партии он был назначен командиром будущего партизанского отряда. Будущий комиссар отряда Я. П. Валугев также очутился в глубоком советском тылу — в городе Гусь-Хрустальный (Владимирская область. — Б. К.)»³.

Серьезной ошибкой советской пропаганды было изображение гитлеровских солдат как нелюдей. В первые недели оккупации многие люди были готовы поверить гитлеровской пропаганде, поскольку увидели картину, весьма далекую от того, что рисовало Политическое Управление Красной Армии.

С одной стороны, населению внушалось, что одетые в военные шинели немецкие рабочие и крестьяне не будут воевать против «братьев по классу». Для привлечения их на свою сторону достаточно лишь открыть им глаза на существующее положение вещей. В первой крупной партии советских листовок на Северо-Западе России (сентябрь–октябрь 1941 г., 80 тыс. экз.), с огромным трудом доставленных на оккупированную территорию, больше половины были на немецком языке.

Попытки вручить гитлеровцам «Речь товарища Сталина от 3 июля 1941 года» обычно заканчивались трагически⁴.

Другая крайность заключалась в расписывании БЕЗДУШНОЙ жестокости вермахта. В ряде листовок писалось об убитых ради развлечения детей, изнасилованных старухах, поруганных святынях. Текст одной из них был написан известным советским поэтом М. Исаковским⁵.

Согласно опросным листам НКВД, подпольные группы формировались на базе местного советско-партийного актива. Некоторые из них распались после того, как в «лес пришли родственники и заявили партизанам, чтобы они покидали группы в лесу и возвращались домой, потому что никаких репрессий, о которых говорили в советской печати, немцы не чинят»⁶.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 351.

⁴ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 194. Л. 6.

⁵ Исаковский М. В. Собр. соч. М., 1981. Т. 2. С. 29.

⁶ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 13–14.

В романе Слепухина об этом написано так: «Оккупация пришла к ним не в огне и грохоте; она вползла и установилась как-то незаметно, как ясным днем подкрадывается тьма к солнцу перед затмением. <...> На площади Первой Конной немцы спешили — то ли посоветоваться, что делать дальше, то ли просто размять ноги; они снимали каски, утирали лбы цветными платками, гомонили и хохотали, хлопая друг друга по спинам. Потом один, длинноногий, отошел в сторонку и справил малую нужду у памятника комбригу Котовскому...»⁷

Или другой характерный эпизод из «Тьмы в полдень»: «Девушки только сели за свой наспех приготовленный ужин, как в кухню вошел немец, тощий и длинный как жердь.

— Ви — хотит кушайт? — спросил он.

— Danke, — ответила Люда, — wir haben was zu essen.

— Da habt ihr etwas Licht, — сказал немец и посмотрел на Таню. — Маленьки баришнья еще имеют Angst? Немецки зольдат нет кушайт ребьёнки, nein, nein, das ist Quatsch, Propaganda!

Немец сказал еще что-то, засмеялся и вышел. Таня посмотрела ему вслед и пожала плечами.

— Еще смеется, — сказала она. — Что он там сказал насчет пропаганды?

— Ну, очевидно, он имел в виду то, что у нас пишат об их зверствах...»⁸.

Сами мирные жители на страницах романа Юрия Слепухина отнюдь не ангелы: «Постепенно люди смелели, — было маловероятно, чтобы главные силы немцев рискнули вступить в город ночью. И в этот критический час, неизвестно кем пущенные, поползли по улицам слухи о разбитых складах и лежащих без надзора сокровищах. <...>

Поэтому, когда вечером двадцатого августа толпа разгромила склады мясокомбината и на улицу полетели ящики с консервами, ею руководило не только желание спасти добро от немцев: люди попросту хотели есть...<...>

Но горожане охотились не только за съестным. <...> На рассвете некоторые улицы Энска представляли собой зрелище

⁷ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 501–502.

⁸ Там же. С. 515–516.

совершенно фантастическое. Человек со связкой боксерских перчаток на шее волок кипу серых госпитальных одеял; семенила старушка, бережно прижимая к груди большой круг швейцарского сыра; женщины везли на тачке громадную, зловещего вида бутылку в ивовой корзине — того типа, что служит для перевозки кислот. Двое мальчишек бежали с метательным копьём, которое прогибалось под тяжестью нанизанной на него гирлянды колбас. Ведя за руль отчаянно дребезжащий обесшинуенный велосипед, ковылял хромым инвалид, шел интеллигент, с достоинством унося домой вед-ро детярного мыла»⁹.

А вот как описывали первые часы оккупации своего родного города смоленские чекисты: «Утром 16 июля 1941 года немцы ворвались в Смоленск. 17 и 18 июля они взяли под контроль население города. Несмотря на то, что город все еще подвергался обстрелу со стороны частей отступающей Красной Армии, его заполонили крестьяне из близлежащих деревень. Они стали грабить оставленные квартиры горожан, грузили имущество на подводы и вывозили его. Немцы никоим образом не мешали грабителям, более того, они со смехом фотографировали происходящее. Мародеры хозяйничали не только в частных домах, но и во многих государственных учреждениях. Оттуда выносились столы, стулья. Из театра тащили костюмы и декорации»¹⁰.

Все проявления паники, мародерства, то, что можно было объяснить поведением «унтерменша», нацисты тщательно фиксировали, в том числе и на киноплёнку. Об этом с возмущением докладывали представители советского сопротивления в Москву и Ленинград. Такие события были в Смоленске и Луге, а также в романе Слепухина: «...Толпа ждущих своей очереди внизу нетерпеливо шумела и поторапливала добытчиков; и никто не заметил, что в полусотне метров от цистерны, вырулив из-за угла пакгауза, остановилась ни на что не похожая машина — приземистая и угловатая, тусклого серого цвета, с прямыми черными крестами на скошенных бортах.

⁹ Там же. С. 502–503.

¹⁰ Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 9856. Л. 20.

Стоя на сиденье бронетранспортера, кинооператор пропагандной роты СС снимал колоритную сцену, пока не кончилась пленка. Потом он спрыгнул вниз и хлопнул водителя по плечу»¹¹.

В воспоминаниях Ю. В. Галя, находящихся в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, описано цинично-равнодушное отношение гитлеровцев к советским военнопленным. Их не кормили, содержали в страшных условиях, но иногда отпускали из плена. В последнем случае это происходило или благодаря родственникам, или банальной взятке¹².

Слепухин пишет: «Немцы сами не ожидали, что их продвижение в районе Энска окажется таким быстрым, и это нарушило организацию приема военнопленных <...>

Их обычно запирали на день-другой в первом попавшемся помещении — погребе, конюшне, — и лишь по мере накопления сливали отдельные группы вместе, чтобы потом перегнать дальше в тыл. <...>

<...> А потом этот лагерь, зверская драка у вагонеток со свинячьим пойлом — и немец наверху, благодушно щелкающий своей “лейкой”»¹³...

И далее в романе: «Рассказывают, что какая-то женщина увидела мужа в колонне пленных, которых вели работать на сортировочную станцию. Неделю потом ходила в ортскомендатуру, валялась в ногах у коменданта — вымолила-таки, отпустили мужа. Немцы иногда любят продемонстрировать свою “доброту”»¹⁴.

В романе, опубликованном в 1968 г., встречаются многочисленные упоминания о Холокосте — уничтожении гитлеровцами еврейского населения:

«— Танечка, мне страшную вещь сказали, — проговорил он негромко. — Вроде вот-вот приказ должен выйти. Насчёт евреев.

— Не понимаю, Георгий Аристархович...

¹¹ Слепухин Ю. Г. Избранное. Указ. соч. С. 503–504.

¹² Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 46436. Л. 15.

¹³ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 520, 525.

¹⁴ Там же. С. 690.

— Их соберут вроде куда-то везти. Ну, я знаю? — может, в какой-то там лагерь. А на самом деле всех соберут, а после расстреляют...

— Как то есть — расстреляют? — ничего не понимая, повторила она.

— За что? — За то, шё евреи, вот за шё, — сказал Попандуло.

— Господи, что за ерунда! Кто это вам сказал такую нелепость?

— Кто, кто! Неважно, кто. Капитан Ионеску сказал, ну!

— Типичный шулер»¹⁵.

Следует отметить, что во время написания романа большинство представителей советской исторической науки предпочитали использовать словосочетание «мирные советские граждане», без всякого указания их национальности.

Особый интерес представляет описание в романе «новояза» на оккупированной территории — смеси русских и немецких словечек. На этом новом языке старались говорить и коллаборационисты, и местные подружки немецких солдат и офицеров:

« — Люся, что значит «замельдоваться»?

— Замельдоваться? — Людмила удивленно подняла брови. — Не знаю. Откуда ты это выкопала?

— Понимаешь... тут без тебя приходил полицейский, — сказала Таня, не оборачиваясь. <...> — Ну тот самый... что был на прошлой неделе у соседей... Приходит и спрашивает: “До арбайтзамту ходила?” Я говорю — нет. А он говорит: “Чтоб завтра же пошла и замельдовалась” <...>

— Ужасно холодно на улице, — сказала она (Людмила — ред.) спокойно. — А “замельдоваться” — это же с немецкого, я сначала просто не сообразила. Возвратный глагол, “sich melden” — зарегистрироваться. Эти типы ужасно любят щеголять немецкими словечками <...>

— Ох, эти немецкие словечки, так сами и лезут, — с досадой сказала Таня. — У нас уже сложился какой-то оккупационный жаргон — поди послушай, как говорят на толкучке...»¹⁶

¹⁵ Там же. С. 604.

¹⁶ Там же. С. 531, 533.

Даже на страницах коллаборационистских газет периода войны высмеивались дамочки, толком не владеющие родным языком. Но таковы были представители «новой русской администрации». Ю. Слепухин дает им беспощадную и точную характеристику: «В казино между тем становилось все больше народу, появились и офицерские “дамы” — аляповато покрашенные, с выщипанными бровями и высоко взбитыми, обесцвеченными перекисью прическами. Они визгливо смеялись, прижимаясь к своим кавалерам, пытались острить на ужасном жаргоне, который в простоте душевной считали немецким языком»¹⁷.

Немецкий порядок на оккупированных территориях во многом насаждался через систему жесточайших репрессий. Здесь было все: облавы и виселицы, публичные казни и порки: «”Сама не пойдешь до арбайтзамту — отведут, только сперва у нас в шуцманшафте выдерут как сидорову козу, чтобы не ломалась другой раз. Всыплют тебе двадцать пять по голой — побежишь работать как миленькая”, — ты прости, но я буквально повторяю его слова...

Людмила смотрела на нее с недоверчивым выражением.

— Однако, — сказала она, растерянно усмехнувшись, — что за хамов они понабрали в эту свою полицию! Но ты что, всерьез испугалась? Танюша, надо же обладать чувством юмора, согласишься! Если верить, что тебя в наше время могут взять и... и выпороть за то, что ты где-то там не зарегистрировалась, то тогда вообще можно допустить что угодно...»¹⁸

О широком использовании гитлеровцами и их пособниками телесных наказаний за незначительные проступки докладывали в Центр не только партизаны. Документы об этом находятся на хранении в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Об этом также писала в своих дневниках известная коллаборационистка Лидия Осипова, проживавшая во время войны в городах Пушкине и Павловске¹⁹.

¹⁷ Там же. С. 729.

¹⁸ Там же. С. 532.

¹⁹ Её военные дневники опубликовал известный петербургский историк Н. А. Ломагин в своей книге «Неизвестная блокада» (СПб., 2002).

Свой предатель гораздо отвратительнее, чем пришлый завоеватель. Во-первых, потому что он свой, во-вторых, выслуживаясь перед новыми хозяевами, он старается быть «большим католиком, чем папа римский», в-третьих, он хорошо знает местные реалии, поэтому обмануть его гораздо сложнее, чем иностранца²⁰. Рассказывается об этом во многих партизанских донесениях, материалах уголовных дел на коллаборационистов. А вот выдержка из романа «Тьма в полдень»: « — Мне ничего не мерещится, — очень серьезно сказала Таня, — мерещится сейчас тебе, Люся. Я тебе говорю — я видела этого полиция, слышала, каким тоном он все это говорил. Такие люди, предатели из наших, хуже немцев, пойми ты! Те хоть бывают всякие, мы-то с тобой видели, в общем, только солдат... Но наши, которые пошли к ним в полицию, — это совсем другое. Понимаешь? Они хуже всяких зверей, потому что звери не бывают предателями»²¹.

Редактор псковской коллаборационистской газеты «За Родину» Петров до войны работал в советском печатном издании «Псковский колхозник», прославлял Сталина и построение социализма в СССР²². На страницах романа Слепухина есть свой предатель-журналист: «Сотрудник “Энской правды”, из года в год публиковавший на ее страницах бодрые стихи к Маю и Ноябрью, возглавил редакцию погромного листка, первый номер которого вышел под крупно набранной шапкой: “Бей жида-политрука, морда просит кирпича”. Другой человек, тоже достаточно известный и уважаемый, стал во главе созданной оккупантами городской управы»²³.

Сложность нацистского оккупационного режима заключается в его изошенности. Именно этого не смогли полностью оценить советские пропагандисты, именно это позднее замалчивалось в исторических исследованиях. Нацисты занимались не только политикой «кнута», но и политикой «пряника». Подобные действия позволили им если не перетянуть на

²⁰ См. об этом там же, в дневниках Лидии Осиповой.

²¹ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 532–533.

²² Архив Управления ФСБ по Псковской области. Д. 100. Л. 56.

²³ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 594.

свою сторону часть населения, то, по крайней мере, нейтрализовать ее.

В предвоенное десятилетие любая предпринимательская деятельность в СССР являлась преступлением. Гитлеровцы ее разрешили: «У вас магазин? — удивленно спросила Таня, только сейчас обратив внимание на его добротное пальто с меховым воротником и дорогую шапку.

— Шё значит магазин, — Попандопуло немного смутился, — так, мелочь... комиссионка! Нужно же с чего-то жить, а?

Идти было недалеко, магазин был расположен тут же, возле Старого рынка. Пока Попандопуло возился с замком, Таня с недоумением, закинув голову, разглядывала ярко разрисованную вывеску — «Жорж Попандопуло — ТРИАНОН — прием на комиссию»²⁴.

Такие «комиссионные магазины», торговавшие всякой мелочью, открывались на всей оккупированной территории страны.

Восстановлению кустарной промышленности в «освобожденных от большевиков областях» было посвящено немало материалов в коллаборационистской прессе. Так, в журнале «На переломе» писалось о «непрерывном росте ремесленных мастерских». В качестве образца приводился Симферополь, где «96 промышленных предприятий работают на германское военное командование и население, вырабатывая ежемесячно продукции на 1 300 000 рублей»²⁵.

В Орле функционировали мастерские по обработке металла, хозяевами которых являлись новоявленные капиталисты Сиротский, Васильев и Ноздрунов. Они изготавливали по заказам германского командования ведра, тазы, кастрюли, кофейники, железные печи²⁶.

Систематические заявления в пронацистской прессе о том, что на подконтрольной немцам территории России создан благоприятный климат для предпринимательской деятельности, не соответствовали действительности.

²⁴ Там же. С. 584.

²⁵ На переломе. 1943. № 3. С. 99.

²⁶ Там же. С. 100.

На практике, в первые недели и месяцы оккупации многие предприятия городскими управами были проданы или переданы в частные руки. Так, в Феодосии заместитель директора хлебозавода Нестеренко стал его хозяином. Новый владелец феодосийской табачной фабрики, ее бывший главный бухгалтер Булатович, стал налаживать там выпуск махорки и папирос. В частные руки также перешел Дом крестьянина, где начал свою работу ресторан.

Но после того, как на этих предприятиях начался успешный производственный процесс, все они оказались под полным немецким контролем. Всех русских рабочих с хлебокомбината уволили и заменили их на немецких солдат, которые стали снабжать хлебом исключительно вермахт. Табачная фабрика, имевшая значительный запас сырья, оставшегося с довоенного времени, тоже стала использоваться для нужд германской армии. Ресторан получил вывеску с надписью: «Только для немцев». В этих условиях новоявленным хозяевам было объявлено, что «частная собственность, безусловно, незыблема... Но русские предприниматели смогут полностью воспользоваться плодами своих трудов только после победы над большевизмом»²⁷.

Открывались также школы и кинотеатры: «С великой помпой объявила горуправа об открытии четырех начальных школ — трех украинских и одной русской. Школы эти торжественно именовались “гимназиями”; через неделю после начала нового учебного года, уже в октябре, Таня однажды утром встретила Сергея Митрофановича, который спешил куда-то со своим стареньким портфелем под мышкой.

— А я, дружок, опять учительствую! Трудности пока немыслимые: помещение нам дали прескверное, холод в классах страшный, дети сидят голодные, нет ни букварей, ни письменных принадлежностей, ни парт... Но что поделаешь? Учить-то детей все равно нужно!»²⁸.

Кинотеатры сочетали в себе как элемент развлекательности («веселый и довольный человек лучше работает» — цинично и прагматично рассуждали оккупанты), так и

²⁷ Архив Управления ФСБ по Костромской области. Д. 437. Л. 182–182 об.

²⁸ Слепухин. Ю. Г. Указ. соч. С. 780.

пропаганды: «Однажды Болховитинов пригласил ее в кино — посмотреть “Сердце королевы” со знаменитой Леандер в роли Марии Стюарт...

Единственный кинотеатр в городе, открытый для населения, находился на площади Урицкого — бывший “Серп и молот”, чудом уцелевший от бомб; теперь он назывался “Тиволи”. Они пришли за четверть часа до начала сеанса, в ободранном холодном фойе кривлялась на эстраде какая-то жалкая певичка, тщетно старавшаяся выглядеть неотразимой; подыгрывая себе на аккордеоне, она с залихватскими ужимками пела “Лили Марлен”.

Только уже в зрительном зале, когда на экране замелькали кадры очередного выпуска *Wochenschau*, Таня сообразила, что именно здесь были они впервые с Сережей...

Выпуск — довольно старый, еще августовский — был почти весь посвящен боям на Северном Кавказе: Ю-87 бомбили переправы через Кубань, горели грозненские нефтепромыслы, грузно, по-кабаньи, ворочались в кукурузе танки, оружие автоматчики с засученными, как у мясников, рукавами бежали через высокую, в человеческий рост, пшеницу...»²⁹.

Министерство пропаганды III Рейха и его руководство с особым пиететом относились к кинематографу как к новой и весьма действенной форме активной пропаганды. Сам Геббельс лично занимался отбором тем, редактированием и прокатом «Германского еженедельного обозрения» — «*Die Deutsche Wochenschau*» (DW). Эта серия документальных фильмов, достигшая высот технического и коммерческого успеха между 1940 и 1944 гг., была весьма эффективным средством нацистской пропаганды военного времени.

На всей подконтрольной нацистам территории, в том числе и в захваченных районах Советского Союза, во всех кинотеатрах любой кинофильм обязательно предварялся показом DW. Каждый выпуск строился по определенной схеме. Обязательно должны были присутствовать героические портреты вождей Германии и ее союзников, подробное освещение военных действий (в зависимости от

²⁹ Там же. С. 781–782.

успехов вермахта), несколько трогательных историй, напо-ристые марши и несокрушимая вера в победу.

Документальные фильмы, в которых использовались материалы DW, создавались на многих языках, в том числе и на русском, и распространялись во всех оккупированных нацистами и их союзниками территориях. Выпуски «Зарубежного звукового обозрения» являлись регулярными и готовились на высоком профессиональном уровне.

В 1941 г., в первые месяцы Великой Отечественной войны, нацистские пропагандистские службы снимали киносюжеты, рассчитанные, в первую очередь, на солдат вермахта и население Германии. С весны 1942 г. начинается процесс открытия в городах и крупных населенных пунктах стационарных кинотеатров для русского населения. Для этого местные руководители, согласно распоряжению германского командования, предоставляли помещение, технический персонал, рабочих и необходимые стройматериалы. Киноаппаратура, фильмы и инструкции «О правильной организации кинопропаганды» поступали из Германии³⁰.

Эти мероприятия оккупантов представлялись как «... забота германского командования о культурных нуждах русского народа... Жизнерадостность, веселость, хороший здоровый отдых — факторы, способствующие труду. И, открывая зрелищные мероприятия, германское командование заботится именно об этой стороне жизни трудящихся»³¹.

В хронике с фронтов изображалась «героическая борьба германской армии с большевизмом и капитализмом»: «И на необъятных просторах России, и в сожженной солнцем африканской пустыне, и в бушующих волнах Тихого, Атлантического, Ледовитого океанов, и в самолете над фабриками и заводами Англии — всюду сражается германский солдат»³². Все фильмы были снабжены синхронным переводом на русский язык. На каждом сеансе демонстрировались по очереди три фильма: культфильм, хроника с фронта и художественный фильм.

³⁰ Архив Управления ФСБ по Псковской области. Д. 13954. Л. 56.

³¹ Новый путь (Смоленск). 1942. 28 июня.

³² Там же.

В Орле открытие кинотеатра было приурочено к дню рождения Адольфа Гитлера. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан заявил на этом мероприятии: «Киноискусство для нас является одним из самых важных культурных средств нашей борьбы с большевиками»³³.

Почти все наиболее известные произведения кинематографистов III Рейха демонстрировались для русского зрителя. Немецкие художественные фильмы военных лет обычно были столь наспигованы национал-социалистической идеологией, что назвать их чисто развлекательными, безусловно, нельзя. Вне зависимости от того, о чем шла речь в кинокартине, вне зависимости от жанра (музыкальный фильм, исторический фильм, комедия или мелодрама) главным являлась пропаганда нацистской идеологии.

Особое место в романе Ю. Слепухина занимает место сюжет об отправлении местных жителей на работу в Германию. Автор сам пережил эту страшную трагедию. Он очень точно передает эволюцию немецкой политики в этом вопросе: от добровольности и рекламы до прямых облав на улицах и базарах: «А на бирже, что ж, ничего особенного. Есть никого не едят. Меня только спросили, не хочу ли я поехать “до Великой Неметчины”. Я говорю – Господи, еще чего! А немка так на меня посмотрела... — Таня поджала губы и изобразила, как посмотрела на нее немка<...>

Это был первый эшелон, и из Энска его отправляли торжественно: были флаги, песни, духовой оркестр играл марш, представитель гебитскомиссариата произнес энергичную речь о задачах, стоящих перед населением “освобожденных от жидо-большевистского ига” областей»³⁴.

Летом и осенью 1942 г. на территории Смоленской области захватчики развернули широкую кампанию по вербовке населения якобы для поездки на полевые работы на Украину. Особенно усиленно вербовали девушек и одиноких женщин. Всех, изъявивших желание поехать на Украину, отправили на принудительные работы как «добровольцев» в Германию.

³³ Речь (Орел). 1942. 22 апр.

³⁴ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 536, 556.

В Гдовском и Сланцевском районах Ленинградской области германские комендатуры издали приказы, согласно которым каждый сельский староста должен был назначить определенное число физически здоровых мужчин и женщин для отправки в Германию. Ответственность за явку людей на железнодорожную станцию возлагалась на сельских старост и волостных старшин. За уклонение от поездки в Германию виновные арестовывались и отправлялись в концентрационные лагеря. Из Красногвардейска, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тысяч человек, при этом некоторым было объявлено, что они переселяются на «родину», так как они будто бы являются потомками немцев, переселившихся в окрестности Петербурга при Екатерине II. При этом им обещались особые льготы в «фатерлянде»³⁵.

Тяжелые условия работы и жизни в Германии скрывались от населения оккупированных областей. Объявления немецких вербовочных комиссий всячески рекламировали работу в Германии. Так, молодым людям обещалось, что они смогут получить любую интересующую их профессию, на германских предприятиях и даже в будущем поступить в университет³⁶.

И по сей день весьма острым и спорным вопросом является характеристика партизанского движения на оккупированной территории. Среди партизан были и герои, сражавшиеся с оккупантами, и по сути своей безответственные люди, и даже мародеры. Большого гражданского мужества потребовала от Слепухина следующая фраза его романа: «Партизанское движение — святое дело, но партизаны тоже бывают разные. Скажем, эшелон пустить под откос — это одно. А бывает знаешь как? Кокнут на лесной дороге какого-нибудь задрипанного зондерфюрера и обратно в лес! На другой день ближайшую деревню каратели сводят под корень, а тот герой сидит тем временем у себя в землянке и гордится. Вот, мол, еще один подвиг на боевом

³⁵ Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Материалы к литерному делу № 118. Л. 146.

³⁶ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.

счету! Стрелять к матери надо за такие подвиги, вот что! Мало у нас еще народу погибло из-за чужой дури?!»³⁷.

У первых партизанских отрядов было очень мало опыта. Отсутствие настоящей конспирации и разведки, слабая координация действий, излишняя доверчивость, а иногда и ненужная подозрительность мешали становлению движения сопротивления. Некоторые партизанские руководители пытались делать не то, что нужно, а то, что легче осуществить. Так, некоторые смоленские партизаны ликвидировали тех старост, которые были поставлены народом с ведома подпольных парторганизаций³⁸. Большое количество бывших окруженцев, оказавшихся в лесах и влившихся в партизанские отряды, не хотели никому подчиняться. Как отмечало руководство смоленским партизанским движением зимой 1941–42 гг., «росло... количество отрядов, все еще никому не подчинявшихся. Начались самосуды и анархия. Стали расправляться с теми старостами и полицаями, которых назначала подпольная парторганизация; начались самовольные реквизиции и т. п.»³⁹.

Иногда «политработа» партизан проводилась при помощи шомполов⁴⁰.

Нужны были экстренные меры по наведению порядка. Однако на совещании командиров отрядов некоторые из них стали заявлять следующее: «Довольно! Нас предали под Вязьмой комиссары и коммунисты! Больше не удастся! Разве вы не знаете о том, что Сталин договорился с союзниками о роспуске колхозов, об открытии церквей? Больше нами коммунисты не будут командовать!»⁴¹

Этими ошибками, просчетами и преступлениями быстро воспользовались немецкие пропагандистские и специальные службы. В коллаборационистской прессе началась активная кампания по дискредитации партизан и подпольщиков.

³⁷ Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 718–719.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 625. Оп.1. Д. 11. Л. 359.

³⁹ Там же. Л. 357.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 360.

В романе «Тьма в полдень» дана беспощадная, но при этом объективная характеристика нацистскому оккупационному режиму: «Может быть, только теперь жители Энска начинали в полной мере понимать, что значит оккупация. Без облав и обысков не проходило дня, — уличные облавы производились в разных районах города и в разные часы дня — то утром, то к вечеру; <...> Обыскивали просто так, на всякий случай, но иногда вдруг случайно попадали и на что-нибудь запрещенное, подлежащее конфискации: какой-нибудь серебряный подстаканник, золоченую чайную ложечку, или овчину, или крепкие валенки, или еврейского ребенка, или радиоприемник. В этих случаях хозяева квартир исчезали бесследно»⁴².

Поразительно, что Юрий Слепухин практически словно цитирует документы, которые тогда ему были недоступны. Нужно было обладать феноменальной памятью, писательским чутьем, а также честной гражданской позицией, чтобы в конце 60-х гг. прошлого века дать такую всестороннюю характеристику нацистского оккупационного режима в нашей стране.

⁴² Слепухин Ю. Г. Указ. соч. С. 838–839.